

«Дорогие мои харьковчане»

ПОМНИТЕ, как это у Юлии Друниной:

Я только раз видала
рукопашный.
Раз — наяву, а тысячу — во
сне.
Кто говорит, что на войне
не страшно,
Тот ничего не знает о войне!

С Гарником Арутюновичем Карапетяном, заместителем председателя Совета ветеранов Великой Отечественной Ленинского района столицы, мы говорили о том, что такие слова мог написать только человек, сам видевший рукопашный бой, артобстрел, танковую атаку. Только это — совершенно верная информация о самом первом дне на фронте и самом первом бое, уточняет мой собеседник. На второй день сильнее стало другое чувство: словно нет ничего на свете, кроме этого большого снежного поля, перечерченного, как карта, извилистой линией траншеи, по обе стороны которых — родная земля. Только по ту сторону она — в руках врага...

Первый бой рядового Карапетяна, ереванского десятиклассника, ушедшего на фронт добровольцем, позже — бесстрашного комбата и кавалера четырех боевых орденов — тот самый первый бой был под Харьковом, у небольшой украинской станицы. Но это на мирных картах она обозначена как маленький населенный пункт местного значения. На военных же картах зима сорок первого это был укрепленный рубеж, важнейший со стратегической точки зрения, откуда открывались направления на Ростов-на-Дону, на Сталинград...

Нет, совсем не таким был первый бой, каким он представлялся в воображении. Казалось, все будет так: поднимется вражеская часть, и они встанут навстречу, и сметут врага, потому что обязательно окажутся сильнее — если не числом и оружием, то волей к победе.

Но враг не поднялся — сначала был мощный артобстрел, первые потери, потом — танковая атака, — а пехота залегла. Лицом к лицу врага они в тот день так и не увидели. Но отступили на соседние позиции, потому что такой пришел приказ: в ту ночь было важнее сгруппировать силы в единый мощный кулак, удерживать во что бы то ни стало вторую линию обороны...

ВСЯКИЕ бывают в жизни совпадения. На сей раз получилось так, что мы встретились с Карапетяном ровно через 43 года с того ноябрьского дня 1942-го, когда его, тогда командира пулеметного взвода, вызвал начальник разведки танковой бригады, Герой Советского Союза подполковник Яблоков. Это было в Сталинграде, где шли ожесточенные бои. Надо было непременно взять «языка».

Отправился группой в три человека, командиром — Карапетяном. Ползком, темень крошечная. И вдруг заметил командир: нет сзади товарищей. Потеряли друг друга? Отрезал вражеский патруль?

На войне каждый день, каждый час смотришь смерти в лицо. Но такое задание — опасность вдвойне: надо действовать прямо в логове врага. Любому разведчику известно: в одиночку взять «языка» практически невозможно. По всем неписаным законам войны. И Карапетяну решил: надо отправляться назад.

Сориентировался в темноте без компаса, пошел. А на самом деле оказалось: шел он не к своим, прямо по нейтральной полосе, параллельно линии фронта.

Долго шел. Вдруг видит — впереди что-то массивное чернеет. Блиндаж? Здание? И речь немецкая слышится. Подполз совсем близко — танк! Даже черно-белую свастику на броне разглядел. А внутри постукивания: ремонтируются. Карапетяну затаился в ближайшей воронке. Связал вместе 5 грачат...

Так везет только раз в жизни: попал прямо в бензобак. Грохот, пламя к небу взметнулось. При свете пламени сориентировался: ушел по нейтральной полосе довольно далеко в сторону танка. — Правее.

А из танка — дым черными клубами. И — ни дайжения. Все, кто там был, погибли,

что ли, от взрыва? Тут открывается люк, и на землю, шатаясь, соскакивают три ошалевших от неожиданности, страха и гари гитлеровца в сапогах, брюках и... майках — в танке жарко было.

— Руки вверх!

Так и доставил боец к своим позициям вместо одного сразу трех «языков». Яблоков, как получил донесение, — вызвал к себе, обнял крепко, поцеловал. Один из «языков», оказалось, очень ценный был: форма в танке стореда, но разговаривался-таки немецкий оберлейтенант...

Карапетяну дали отпуск на 10 суток. А тут отзывают: срочно в штаб 64-й армии. Орден Боевого Красного Знаме-

Захлебывались атаки — одна за другой. Наши бойцы не могли поднять голову из окопов — мешала пулеметная точка, бившая в упор. И тут, во весь рост, не таясь, встал Толик Вишневецкий и — бегом к амбразуре. Никто не успел опомниться. Только комбат крикнул: «Вишневецкий, назад!» — и пулемет замолчал.

Там, под Эгером, Толика и похоронили. Он был немного старше Карапетяна, года на два-три. Но в разговоре они никогда не чувствовали разницы — когда делились махоркой после боя, говорили о доме, где ждали Толика жена с детишками, о мирных днях. И в бою командиры соседних подразделений всегда понимали друг друга с полуслова...

ни лично вручил ему сам командарм.

— **БЕДНЫЙ** наш Толик, — это он о герое, о друге. С которым делились махоркой после коротких фронтовых совещаний командиров. С которым из последних сил держали соседние окопы во время мощной вражеской атаки.

«Дорогой Гарник Арутюнович, здравствуйте! Пишут Вам красные следопыты харьковской школы № 54. Долго искали Вас и вот, наконец, нашли. Мы пишем фронтовую биографию нашего земляка, Героя Советского Союза Анатолия Вишневецкого, геройски погибшего неподалеку от Будапешта. Мы знаем, что Вы служили в одной дивизии, в одном батальоне. Расскажите, пожалуйста, все, что знаете о нем: каким Вам запомнился Анатолий Вишневецкий, что Вы помните из эпизодов Вашей совместной воинской службы...»

Письмо пришло летом 1984 года. Ребята просили прислать фотографии, документы, рассказывающие об А. Вишневецком, приглашали в гости на праздник начала нового учебного года.

Ехать он решил сразу. И также сразу решил о своем приезде заранее не сообщать — нагрязнуть, как говорится, как снег на голову. Накануне сентября зашел на школьный базар, купил 10 комплектов парадной формы разного размера, с 1 по 10-й класс — для лучших учащихся школы, носящей имя героя-друга.

В Харькове было пасмурно, моросил мелкий дождь. В наглухо застегнутом плаще, совсем, как ему казалось, незаметно зашел на школьный двор, где ребята уже выстроились в парадные колонны...

Но его узнали сразу — по фотографии, которая уже была в школьном музее боевой славы. Тут же проводили на трибуны, откуда-то взяли огромный букет роз. Потом он расстегнул плащ (даже при свете пасмурного дня сверкнули боевые ордена) и начал свой рассказ.

...Это было уже в конце войны, под Эгером — небольшим городом на будапештском направлении. Враг оказал здесь ожесточенное сопротивление. Но город — опорный пункт гитлеровцев — надо было взять обязательно.

Карапетяну рассматривает харьковские фотографии как очень дорогую свою реликвию. Вот он вместе с ребятами школы имени Героя. Вот у обелянска Вишневецкому на заводе им. Шевченко, где до войны друг работал слесарем. А вот Лев Лещенко передает Карапетяну огромный букет цветов — известный певец как раз был на гастролях в Харькове, выступал перед заводчанами. На том самом концерте специально в честь Гарника Арутюновича он спел «Темную ночь».

ДЕНЬ Победы Карапетяну встретил в Чехословакии, в госпитале — лечился после тяжелой контузии, обрешей его на несколько месяцев на полную глухоту. Проснулся как-то поутру, видит — все вокруг обнимаются, плачут, а то вдруг плясать начали. «В чем дело?» — кричит, не слыша собственного голоса. Тут на него обратили внимание, кто-то написал на клочке бумаги только одно слово — «Победа». И Карапетяну тоже пустился в пляс.

Наш разговор подошел к концу, но Гарник Арутюнович не торопится прощаться. Чувствуем, что что-то осталось недосказанным. Рассуждаем обстоятельно о погоде, о том, какой ожидается нынешняя зима... Карапетяну вдруг говорит несколько смущенно:

— Хотелось бы только попросить вас об одном. Вы обязательно напишите побольше о харьковчанах моих дорогих — и о взрослых, и о школьниках. Как они память Героя чтут, как воспитывают на его примере замечательных ребят. Это очень важно для меня — ведь так получилось, что именно по украинской земле я больше чем полвойны прошагал. Здесь, считай, моя вторая родина — все самое главное в жизни произошло.

Я пообещала Карапетяну: обязательно напишу. Ведь это может быть важнее такой вот памяти и дружбы — через многие километры, через много лет после минувшей войны.

М. ВАРТАНЯН,
корр. «Комсомолец».

НА СНИМКЕ: здесь, на территории завода им. Шевченко, будет сооружен памятник его другу — Анатолию Вишневецкому.